

Л. Г. Ким

Кемеровский государственный университет

Антропоморфная метафора как средство изображения растений в прозе Виктора Астафьева

Н.И. Толстой рассматривал культуру в четырех срезах: элитарном, деревенском, городском, профессиональном. При этом им устанавливаются определенные параллели культуры и языка: литературный язык отражает элитарную культуру; диалекты и говоры – народную культуру, деревенскую; просторечие – городскую; арго – профессиональную субкультуру [Толстой, 1995]. То есть видение мира определенной социальной группой обусловлено ее культурой: одни и те же явления реальности по-разному воспринимаются и интерпретируются различными социальными группами. Писатель, как мастер искусства слова, по определению должен быть носителем элитарной культуры и литературного языка соответственно.

При обращении к произведениям Виктора Астафьева первое, что привлекает внимание, – это запечатленное в его творениях народное мировидение, мирозерцание, то есть народная культура, которая отражена в так называемом «народном языке»: широко использованной диалектной и просторечной лексике, авторских неологизмах, элементах фольклора [Самотик, 2002]. Поэтому творчество В. Астафьева ярко демонстрирует не противопоставление, а, наоборот, симбиоз двух культур: элитарной и народной.

Наши рассуждения касаются такого значимого произведения, как «Ода русскому огороду», где «возрождаются ментальные пласты, несущие в себе крестьянское мировоззрение и мироощущение в его мирной, общечеловеческой сути и связанные с самой широкой мировой культурой, выросшей из поэтических воззрений на людей и природу древних землепашцев» [Яновский, 1982, с. 144].

Приведем несколько примеров:

Репя все растет, выгуливает плотное тело, понимая, что радость от нее ребятишкам.

На сквозном ветру колючий осот бородой трясет <...>, а уж репейник, что дедушка, осердился, в бабушку сцепился, ну везде – везде он.

От кого и радость, так это от хрена – зеленеет бродяга, бодрится молодое, из бурьянной глухомани он, словно из кутузки, на свет Божий вывалился, радехонек воле.

На межах кто кого задавит, тот и растет, дурея от собственного нахальства.

Помидорные серенькие саженцы словно бы решали, что им делать – сопротивляться или помирать <...>. Помидорные дудки несмело наряжались в кружево листьев <...>, а вкусив радости цветения, помидорные дудки смелели, лохматились, зеленые бородавочки из себя вымучивали <...>, обвешивались щекастыми кругляками плодов, и ну дуреть, ну расти.

Здесь запечатлена народная, природно – языческая русская культура, прослеживается влияние фольклорной традиции.

А.Н. Веселовский в «Исторической поэтике» писал, что «человек усваивает

образы внешнего мира в формах своего самосознания... Мы невольно переносим на природу наше самоощущение жизни» [Веселовский, 1989, с. 101]. Это мирозерцание А.Н. Веселовский назвал анимистическим, то есть исходящим из представления о наличии души у человека, растения, животного.

У В. Астафьева мы видим как бы возвращение к исходному, первобытному, народному восприятию и отображению природного мира как живого, наделенного не только телом, но и душой и разумом. Такое мировосприятие мотивируется еще и тем, что повествователь в «Оде...» воссоздает свои детские впечатления, то есть описание огорода осуществляется через восприятие его ребенком.

Исконно народное мирозерцание, безусловно, нашло свое воплощение в языковых формах и, прежде всего, в метафоре. Подчеркивая сущность метафоры, Н.Д. Арутюнова отмечает, что «в ней заключено имплицитное противопоставление обыденного видения мира <...> необычному, вскрывающему индивидуальную сущность предмета. Метафора отвергает принадлежность объекта к тому классу, в который он на самом деле входит, и утверждает включенность его в категорию, к которой он не может быть отнесен на рациональном основании. Метафора – это вызов природе». [Арутюнова, 1990, с. 17-18].

Широко и разнообразно используя метафору при описании огородных растений, В.П. Астафьев вскрывает их сущность, отвергает их принадлежность к миру, лежащему вне человека, отвергает строго рационалистический подход к осмыслению мира и подчеркивает тем самым истинность народной культуры.

Если воспользоваться классификацией метафоры, предложенной В.П. Москвиным, то из всех типов в тексте «Оды...» мы обнаруживаем один тип – антропоморфную метафору, при которой происходит уподобление растения человеку, причем такое уподобление происходит многократно и в разных аспектах.

1. Общий принцип строения растения уподоблен строению человека

При описании растений автор использует лексемы *тело, фигура, мускулистый, тощий, плотный*, создавая антропоморфный образ.

Татарник заявит о себе, властно оттеснив мускулистым телом тощую мелкоту; Репа все растет, выгуливает плотное тело; Вот свеколка взошла, а вот вместе с нею лебеда, полынь и гречка дикая. Они и цветом, и фигурой под свеклу обрядились.

2. Части растения уподоблены частям тела человека, о чем свидетельствует многократное использование лексем *руки, ноги, затылок, уши, нос, ресницы, коса, борода*, в том числе в составе авторских неологизмов.

Горох без рук, без ног полз на бадог; широкомордые рябые подсолнухи; поймав солноворот за шершавый под солдата стриженный затылок; шорохтел длинными ушами непобедимый хрен; голоухие ромашки; огурец, белопуный молодец; в носу у него [огурца] шушулиной сохлый цветок торчит; выступали реснички травы в борозде; потер морковку, размотал огрызок за косу и метнул его; колючий осот бородой трясет; усики принялись браво завинчиваться.

Здесь отражается мифологическое мышление, которое Эрнст Кассирер называет законом нивелирования: каждая часть репрезентирует целое, вбирает в себя значение и действенность целого [Кассирер, 1990, с. 38].

3. Стадии существования растения уподобляются этапам жизни человека: рождение – жизнь – смерть.

Куст ...черные ягоды начал рожать; детенышам холодно было северными ногами; мокрица, дрема и манжетки... скоренько расти нороят; черная картофель, чуть живая снизу; седые листья; предсмертно оцетинившаяся крапива; а сами, исполнив службу, отдав все свои силы и соки свои, никли к земле, желтели и постепенно отмирали, никому уже не интересные и никем не замечаемые; старый ствол умер и засох.

4. Растения болеют «человеческими» болезнями.

Прятался вишивый лук; золотушная трава.

5. Растения, подобно человеку, обряжаются в одежду.

Куколка, завернутая в зелень пеленок (о кукурузе); Белый чубчик из-под одежек выпрыснул; Помидорные дудки несмело наряжались в кружево листьев.

6. Растения обладают индивидуальным характером. Такая картина рисуется вследствие использования лексем *капризный, беззаботный, ревнивый, хитрый, коварный, напористый, избалованный, веселый, хулиганистый, уверенный.*

Если крестьянская изба напоминала ликом хозяина, то огород всегда по хозяйке, по характеру ее и сноровке; – Пусть растет! Пусть фулюганит! – кричала бабка, одаривая односельчан семенами буйного плода [о тыкве]; Сбоку же, не обижаясь на пренебрежительное к себе отношение, крупно, нагло и совершенно беззаботно растут дородные редьки; Табак еще украдчиво цвел на бросовых грядках; Солнорот, доверчиво развесивший желтые уши долу; бойкий шершавенький листок; темнела и кудрявилась труженица картошка; вкрадчиво шелестел лютый фрукт – чеснок; Унялась, обвяла пронырливая диковина; У всякой овощи... есть двойник, иной раз много двойников-кровопийцев, и все-то они хитры, коварны, напористы.

7. Картина эмоционального состояния растений воссоздается, благодаря использованию лексем *нежиться, веселый, радоваться, сиять, унылый, бояться, недовольный, сердиться.*

Лежит огурец-удалец, дразнится...нежится в зеленом укрытии; веселый солныбокий кругляк [о тыкве]; хрен зеленеет, бродяга, на свет Божий вывалился, радехонек воле; унылые морды подсолнухов с космами свернувшихся листьев; трудно росла овощь, вечно боящаяся не вызреть из-за ранних холодов; листья, ботва, метелки трав с недовольным шорохом выпрямляются, восстанут, занимают свое постоянное место на земле.

8. Антропоморфный образ создается через воссоздание мыслительного и речемыслительного процесса растений.

Репка ...понимает, что радость от нее ребятишкам; помидорные серенькие саженьцы словно бы решали, что им делать – сопротивляться или помирить в этой простудной стороне; Забурлила, забормотала картоха в котелке. Про родное ведь и бормочет, клятая! Про дом, про пашню, про огород, про застолье семейное.

9. При описании растений частотными являются глаголы движения, что также воссоздает картину живого, активного мира обитателей огорода.

Из семечка-сердечка вылунилось растение и... изогнулось в жалице, из жалицы взялось на городьбу, с городьбы по углу бани взобралось на крышу, уж к трубе подползло и куда б долезло – одному Богу известно, да тут лето кончилось... Унялась, обвяла пронырливая диковина.

10. Огородные растения образуют сообщества, между ними формируются взаимоотношения, аналогичные взаимоотношениям в социальном обществе.

Огурец и помидор не сопутники в роду-племени огородном; Сорняк давит всякое полезное растение, обескровливает его; Властно оттеснив мускулистым телом тощую мелкоту; Закаленные в вечной борьбе сорняки не дремлют, захватывают пространства, душат, соки из овощи сосут; Никто лучше бабки не ведал, кого с кем мирить в огороде.

11. Растения, посаженные и взлелеянные человеком, служат ему: кормят, спасают.

Спаситель наш – огород! В огороде же том самоглавнейший спаситель – скромное, многотерпеливое существо, участью – долей схожее с рксской женщиной – картошка!; Взял за пыльные космы матушку-кормилицу; Картохи из земли возникли... лежат, готовые на поддержку тела и души.

Таким образом, естественная, ненавязчивая передача народного мировоспри-

ятия, с одной стороны, и профессиональное владение искусством слова, мастерство в использовании метафоры, с другой стороны, – вот составляющие таких ярких антропоморфных образов прозы Виктора Астафьева.

Литература

- Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры. М., 1990.
Веселовский А.Н. Историческая поэтика. М., 1989.
Кассирер Э. Сила метафоры // Теория метафоры. М., 1990.
Москвин В.П. Стилистика русского языка. Волгоград, 2000.
Самотик Л.Г. «Здесь русский дух, здесь Русью пахнет» // Научный ежегодник Красноярского гос. пед. университета. Вып. 3. Красноярск, 2002. Т. 2.
Толстой Н.И. Язык и народная культура: Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М., 1995.
Яновский Н.Н. Астафьев: Очерк творчества. М., 1982.